

С.В. Соколовский

Четверть века российской антропологии: 1975–2000

Сегодня, по прошествии 10–15 лет с тех пор как аппарат социальных и гуманитарных наук в стране стал подвергаться радикальной критической переоценке и пересмотру, появилось немало историографических работ, в которых прослеживается эволюция во взглядах на предмет этнографии/социокультурной антропологии в СССР и России, предлагаются различные периодизации развития этой дисциплины, анализируется содержание исследований в отдельные периоды. Вместе с тем, большинство этих работ носит скорее характер впечатлений, личных свидетельств и субъективных оценок, которые, разумеется так же необходимы для полноценной истории любой науки, как и собственно наукометрические исследования, но заменить их не в состоянии, поскольку впечатления и личный опыт, сколь бы полны они ни были, часто отличаются, и иногда – существенно, от поддающихся измерению характеристик и параметров развития научного направления, документирующих развитие конкретных областей знания.

В этой статье будут рассмотрены тенденции изменения научной проблематики в отечественной этнографии в период с 1975 по 2000 гг. В качестве основного источника для документирования изменений в темах исследований избран центральный журнал советских/российских этнографов *Советская этнография/Этнографическое обозрение*. Разумеется, что судить о состоянии целой дисциплины, а тем более, группы родственных дисциплин по публикациям единственного академического журнала, отражавшего скромную долю всех работ этнографического и антропологического профиля – вещь довольно спорная по ряду обстоятельств, в числе которых не только чисто количественные критерии, но и вопросы издательской политики редколлегии, место его выхода журнала и т.д. Тем не менее, можно утверждать, что журнал верно отражал наиболее общие тенденции в развитии советской/российской этнографии, являясь, по существу (особенно в первые 10–15 лет рассматриваемого периода), единственным специализированным академическим периодическим изданием с аудиторией в несколько тысяч человек, что, вероятнее всего, было больше числа активно работающих этнографов. Последнее обстоятельство означало, помимо прочего, что журнал являлся своего рода форумом и средством организации дискуссий не только для профессионального сообщества советских/российских этнографов, но и для многих представителей смежных областей знания – историков, географов, краеведов, социологов, археологов и т.д. Если у антропологов (представителей физической, или биоантропологии) был еще один цеховой журнал – «Вопросы антропологии», выходивший, впрочем, с меньшей периодичностью и имевший меньший объем, то для этнографов вплоть до начала 1990-х гг. этот журнал оставался главной площадкой для обсуждения всех возникавших дисциплинарных проблем. При всем сказанном в защиту мнения, что по содержанию журнала можно представлять состояние

дисциплины в целом, следует подчеркнуть, что данный обзор нельзя не рассматривать всего лишь как первый шаг в наукометрии отечественной этнографии конца XX века. Полное исследование должно в идеале охватить все публикации наших этнографов, сделанные как в стране, так и за рубежом; лишь тогда можно будет реконструировать состояние дисциплины и его эволюцию на этом сложном и полном событий историческом отрезке ее существования.

Таким образом, излагаемые ниже результаты и оценки тенденций развития отечественной этнографии в отмеченный период следует рассматривать как предварительные. Эта «предварительность» оценок обусловлена не только относительной неполнотой охвата материалов (в обзор вошли лишь ‘полновесные публикации’, краткие сообщения будут проанализированы отдельно), но и их известной субъективностью и некоторой условностью разнесения публикаций по разным разделам (теоретические и фактологические, посвященные исследованиям этничности и этническим процессам, или особенностям культуры и т.п.). Следует оговорить и то обстоятельство, что создавая рубрику, я старался руководствоваться принятыми в самой дисциплине (в рамках рассматриваемой национальной традиции и исследуемого периода) классификациями, в противном случае я вряд ли бы использовал разделение культуры на духовную и материальную, или противопоставлял исследования этнических процессов их количественному измерению (этнодемографии). Впрочем, сама используемая здесь рубрикация носит условный характер, определяемый, до известной степени, размытостью дисциплинарных границ этнографии/антропологии, как в ее российском варианте, так и в рамках других национальных традиций.

Теория и методология этнографии и физической антропологии¹. В анализируемый здесь период – 1975–2000 гг., только в журнале *Советская этнография / Этнографическое обозрение* было опубликовано около 140 статей которые можно назвать обобщающими или теоретическими. Если к этому числу прибавить более 25 статей, посвященных теоретическим проблемам физической антропологии, то в среднем получится, что журнал ежегодно публиковал 5–6 статей в год с обсуждением теоретических сюжетов, то есть практически по статье в каждом номере журнала.

Как хорошо известно из истории антропологии, один из ее основателей Франц Боас еще в 1904 г. определял предмет антропологии как единство четырех областей исследования – «биологической истории человечества во всех его разновидностях; лингвистического изучения бесписьменных народов; этнологии внеисторических народов и доисторической археологии»². Российская этнография/этнология/ антропология находилась под влиянием иных концептуализаций своего предмета. С одной стороны, развиваясь под значительным влиянием немецкой этнологии, она в некоторых своих рубриках и приемах вычленения предмета воспроизводила деление на Volks- и Völkerkunde (исследования фольклора и народных обычаев «своего» народа, в первом случае, и сравнительные исследования ‘доисторических’ и бесписьменных народов – во втором); с другой же стороны, идеал комплексного исследования отразился, например, в известной анучинской триаде, с установкой на синтез данных гео-

графии, этнографии и (физической) антропологии, реализованной в его работе об айнах. Впрочем, Д.Н.Анучин широко использовал и данные лингвистики и археологии. Эта 'синтетическая' установка продолжает оказывать свое влияние и чаще всего находит выражение в жанре коллективной монографии и организации полевых работ с привлечением специалистов из многих дисциплин, представителей и гуманитарных и естественных наук. 'Пограничность' работ, выполненных в этом жанре, затрудняет их отнесение к какому-либо одному из разделов рубрикатора, усугубляя условность получаемых цифровых показателей.

Организация комплексных исследований требует довольно точного представления о месте собственной дисциплины в системе наук и границах ее предмета. Именно поэтому проникновение в советскую этнографию методологии системного подхода и информационных методов, произошедшее на рубеже 1960–70-х гг., повлекло за собой новую постановку и обсуждение проблемы определения границ предмета дисциплины и его соотношения с предметами смежных наук – истории и социологии³. Другим обстоятельством, неоднократно стимулировавшим обсуждение этой проблематики, были повторяющиеся внутридисциплинарные и общенаучные кризисы, связанные в России чаще всего с резкими изменениями идеологического и политического характера, а не с особенностями развития научного знания.

Один из таких кризисов в советской антропологии случился в середине исследуемого здесь двадцатипятилетия развития этой национальной традиции – в первой половине 1990-х гг. *Он произошел не в силу особой внутринаучной ситуации, например, противоречий между двумя конфликтующими парадигмами, а исключительно благодаря либерализации политического режима в стране и необходимости занятия академическим сообществом определенной позиции по отношению к происходящему. Узкое, буквалистское определение предмета и исследовательских объектов этнографии как 'науки об этносах'⁴, заставило ведущих этнографов в период кризиса заняться переосмыслением подходов к исследованию этнических феноменов и обсуждению альтернативных концепций этноса и этничности. Именно в связи с таким пониманием предмета дисциплины поток публикаций, посвященных обсуждению различных теорий этноса и этничности, резко увеличился в середине 1990-х гг.: только за пятилетие с 1995 по 1999 г. на страницах журнала было опубликовано тринадцать теоретических статей с обсуждением этой проблематики. В последующие годы этот поток не уменьшился (три статьи в 2000 г. и столько же в 2001), привлекая к дискуссии все новых участников. *Это свидетельствует не только о продолжающемся процессе самоопределения дисциплины и поиска границ ее предмета, но и о том, что постсоветская этнографическое сообщество продолжает оставаться слабо интегрированным в мировую антропологию, а схоластичность и узость определения предмета этой дисциплины остается препятствием на пути такой интеграции.* Можно даже утверждать, что эта интегрированность была выше в конце 1970-х гг., когда проблематика теоретических дискуссий концентрировалась на обсуждении культур и культурных традиций. Симптоматично, что к середине 1990-х гг. эта проблематика практически исчезла со страниц ведущего журнала (см. *Таблицу 1*).*

Таблица 1. Распределение тематики публикаций теоретического характера на страницах журнала *Советская этнография / Этнографическое обозрение* (1975–2000).

Тематика	1975-79	1980-84	1985-89	1990-94	1995-99	2000	Σ
теория культуры	11	8	3	3	-	-	25
теории этноса / этничности	-	2	2	4	13	3	24
предмет и границы дисциплины	2	-	1	17	8	8	36
классификация, типологизация	3	-	-	2	-	-	5
теория первобытности	10	4	-	7	2	-	23
физическая антропология	13	2	7	1	4	-	27
общие проблемы, методология	4	3	10	3	5	1	26
Итого:	43	19	23	37	32	12	166

Все эти особенности определения предмета дисциплины затрудняют и тематическую рубрикацию работ, выполненных в ее рамках, и оценку изменений, столь важную для историографических исследований науки. Тем не менее, при всей условности отнесения конкретных работ к определенным рубрикам и самого их рассмотрения как «этнографических», то есть выполненных в рамках предмета дисциплины, этот прием, при постоянстве избранных критериев, дает представление о существующих тенденциях.

Это утверждение можно подтвердить рассмотрением тематики теоретических статей, опубликованных в журнале в течение анализируемого периода. Из 166 статей, помещенных в разделах «Дискуссии», или открывающих выпуск журнала (теоретически и методологически значимые статьи обычно размещались редколлегией журнала на первых страницах номера), наибольшая доля (36 статей) приходится на работы, посвященные обсуждению предмета и границ дисциплины, причем подавляющее их число (33!) было опубликовано после 1990 г., то есть в период, который многими учеными воспринимался как кризисный для дисциплины. Наоборот, традиционная для советской этнографии тематика теоретических дискуссий, преобладавшая в ней с 1930-х гг.⁵ и отражавшая в последующие годы (когда тематика обсуждений существенно расширилась), консервативную тенденцию – к середине 1990-х гг. практически сошла на нет. Четыре из девяти статей этого периода являются переводами работ западных авторов, еще три принадлежат перу известного марксиста-этнографа старшего поколения Ю.А. Семенова, и лишь две были написаны за рамками сложившегося дискурса и представителями иных поколений и специальностей.⁶ Таким образом, можно утверждать, что данная тематика, устойчиво воспроизводившаяся в советской / российской этнографии на протяжении всего ее марксистского периода практически исчезла из числа обсуждаемых вместе с отходом на второй план идеологии, на которую она опиралась.

Другой областью, в которой произошел резкий спад интенсивности теоретических дискуссий стала физическая антропология. Здесь повлиял, как мне представляется, целый комплекс обстоятельств. Помимо общей для всех социальных и гуманитарных наук в России проблемы интеграции в мировую науку и ликвидации существующих разрывов, возникших прежде всего из-за обстоятельств идеологического характера, на состоянии этой дисциплины сказался общий кризис расоведения, обусловленный критикой понятия 'раса'. Кроме

того, развитие популяционно-генетических методов и молекулярной биологии отвлекло значительную часть студентов тех университетских кафедр, которые готовили кадры биоантропологов, в генетику, и приток новых специалистов в антропологию сократился.

Исследования культуры. Помимо статей теоретического характера, множество публикаций в журнале в отмеченный период были посвящены описанию и анализу различных аспектов культуры конкретных этнических групп. Следуя отечественным традициям выделения предметных областей в этой сфере исследований и сложившимся системам классификации и рубрикации явлений культуры, я подразделил все статьи на описания духовной и материальной культуры, а внутри этих больших разделов – на подсистемы в соответствии с тематикой публикаций. Получилась следующая статистика, отражающая тенденции развития исследований в этой области, представляющей собой наиболее близкий аналог культурной антропологии на Западе: из 160 статей, опубликованных за 26 лет – 25 носили общетеоретический характер, 96 описывали различные аспекты так называемой духовной культуры и в 39 статьях речь шла о предметах материальной культуры (Таблица 2).

Таблица 2. Распределение тематики публикаций по исследованиям культуры на страницах журнала *Советская этнография / Этнографическое обозрение* (1975-2000)

Тематика	1975-79	1980-84	1985-89	1990-94	1995-99	2000	Σ
Теория культуры *	11	8	3	3	-	-	25
Духовная культура	12	10	13	20	35	6	96
семиотика культуры, символы	-	1	4	2	1	1	9
обряды; праздники, ритуалы	7	6	7	10	20	-	50
народное искусство, ремесла	1	2	1	1	6	2	13
народный театр	2	-	-	-	1	-	3
этикет	-	1	-	2	1	1	5
игры, спортивные состязания	1	-	-	1	3	1	6
народные знания	1	-	1	4	3	1	10
Материальная культура	7	7	8	7	9	1	39
пища	1	2	-	1	-	-	4
одежда	2	2	-	-	2	-	6
жилище, планировка поселений	4	2	2	4	5	1	18
ХКТ и образ жизни	-	1	6	2	2	-	11
Итого:	30	25	24	30	44	7	160

Почти третью часть статей этой рубрики (50 публикаций) составили работы, посвященные анализу и описанию праздников, обрядов и ритуалов, причем традиционной обрядности было посвящено 30 статей (11 из них были опубликованы в пятилетие с 1994 по 1999 гг.). Эта традиционная для отечественной

* Описание этой рубрики представлено выше, в ходе анализа теоретических публикаций.

этнографии проблематика всегда составляло своего рода тематическое ядро и представляет собой, таким образом, консервативную традицию, если рассматривать этот феномен на фоне соотношения новых и старых тем в различные периоды существования дисциплины. Появление такого количества публикаций на традиционные для отечественной этнографии темы именно в период с 1994 по 1999 гг. отражает консервативную реакцию сообщества (и изменившуюся политику редколлегии журнала) на радикализм предшествовавших пяти – семи лет, когда предпринимались наиболее интенсивные попытки реинтеграции отечественной этнографической мысли в мировую антропологию и переоценки всех наработанных концепций.

Исследования общества: этносоциология, социальная антропология и этнодемография. Исследования традиционных социальных институтов, социальной структуры, семьи и систем родства издавна входили в ядро этнографических исследований, однако исследованиям в этой области присуща собственная динамика, и в рассматриваемый здесь период она подверглась существенным изменениям – в рамках этой области исследований возникло несколько новых направлений, и в то же самое время, часть исследовательских направлений была свернута. Были и такие темы, которые интенсивно исследовались в конце 1970-х гг., затем пережили спад в 1980-х и новый подъем – в 1990-х гг. Чтобы проследить динамику этих изменений, обратимся к материалам Таблицы 3, в которой отражено количество публикаций в ведущем этнографическом журнале страны по различным темам и субдисциплинам за последние четверть века.

Таблица 3. Распределение тематики публикаций по исследованиям социальных институтов и процессов на страницах журнала *Советская этнография / Этнографическое обозрение* (1975-2000)

Тематика	1975-79	1980-84	1985-89	1990-94	1995-99	2000	Σ
Этносоциология	6	3	6	2	1	1	19
Антропология города	1	6	1	4	1	-	13
Исследования диаспор и меньшинств	1	-	-	2	9	5	17
Этнические процессы и контакты	10	1	-	4	8	1	24
Социальная антропология	12	14	4	6	4	-	40
Этническая история	18	12	8	16	15	2	71
Исследования семьи	4	4	3	4	-	-	15
Этнодемография, этногеография	6	12	4	8	3	4	37
Историческая демография	1	7	-	1	8	1	18
Этнополитика	2	1	-	14	33	3	53
Этноконфликтология	-	-	-	1	4	1	6
Юридическая антропология	-	1	-	-	12	-	13
Итого:	61	61	26	62	98	18	326

В отмеченный период в журнале было опубликовано около 20 этносоциологических статей. В 1970-е гг., когда этносоциологические исследования в стране активно развивались, в сферу внимания этносоциологов входили такие процессы как интернационализация образа жизни народов страны, национально-культурные ориентации населения, складывание советского образа жизни и т.д.

Впоследствии, в связи с развитием теории этноса и городской этнографии, идеологизированные темы почти перестали разрабатываться, и этносоциологи переключились на изучение этнических процессов и различных аспектов этнического поведения городского населения. Становление этносоциологии как раздела этнографии, или пограничной области между социологией и этнографией являлось весьма своеобразным процессом, выделявшим советскую этнографию, поскольку в большинстве национальных традиций подобной тематикой занимались скорее социологи, а не антропологи, и осуществляли они это в институциональных рамках социологических кафедр и факультетов, а не организаций, объединяющих этнографов и антропологов, как это произошло в СССР.

Сама по себе констатация факта отсутствия дисциплины с аналогичным предметом и методами в западной традиции, разумеется, не свидетельствует об отставании либо опережении отечественными этносоциологами своих зарубежных коллег, но говорит лишь о наличии особого синтеза методов и подходов в изучении социальной реальности, а также о присущем именно данной традиции вычленению предмета исследования. Действительно, если мы сопоставим, например, концепции и методы, используемые в социальной и культурной антропологии, социологии власти, конфликтологии, политической и экономической антропологии, с одной стороны, и практику этносоциологических исследований в нашей стране, то мы, быть может, не сумеем усмотреть ничего существенного, что бы кардинальным образом противопоставляло эти традиции. Речь должна, скорее, идти о тенденциях преимущественного использования определенных методик, нюансировке подходов, выборе исследовательских проблем и т.п. Быть может, самым кардинальным из различий станет некоторое отставание в происходящем сегодня в социальных науках парадигмального сдвига, смене неопозитивистской парадигмы на постмодернистскую, которая, по существу, уже произошла в социальной и культурной антропологии и распространилась на социологию власти, в наименьшей степени затронув экономическую антропологию и исследования социальной стратификации. В отечественных философских и социальных дисциплинах феноменологические и постмодернистские концепции известны, главным образом, по переводам, хотя сегодня уже можно говорить о растущей популярности этих подходов в среде философов и социологов. Этнография и этносоциология оказались вовлеченными в этот процесс в меньшей степени.

Другим отличием, вероятнее всего и объясняющим феномен невосприимчивости этносоциологии к постмодернистским влияниям, является используемая в ней теория этнической реальности, базирующаяся на структурно-функциональном подходе, а именно, теория этноса. Факт использование данной теории позволяет утверждать, что отечественная этносоциология является ничем иным, как приложением социологических методов к особому идеальному объекту – этносу, то есть дисциплиной, занимающейся исследованием – на основе использования социологических методов – различных этносов и процессов, связанных с их изменениями под влиянием разных, преимущественно социальных факторов. Распространенным пониманием предмета этой дисциплины является также его трактовка как особой сферы взаимодействия между «соб-

ственно этническими» и социальными процессами.

Вернемся, однако, к рассмотрению изменения исследовательских программ и приоритетов в изучении социальных институтов и процессов – области, выступающей в отечественной антропологии ближайшим аналогом социальной антропологии. Слово ‘аналог’ справедливо по отношению к специфике организации предметного разделения в нашей науке, и не вполне справедливо по отношению к тем публикациям, которые практически совпадают с традиционными темами социально-антропологических исследований и во многом основываются на методах и подходах западной, прежде всего, британской, социальной антропологии. Эти работы были выделены в отдельную рубрику под именем ‘социальная антропология’, противопоставляемую, именно по методам и стилям исследования, другим публикациям в жанре этнографических исследований общества, или обществ.

К числу работ, выполненных в жанре классической социальной антропологии, более того, в ряде случаев и на классических объектах этой дисциплины – традиционных обществах Африки Австралии и Океании, – относятся статьи по изучению систем родства⁷, родовой организации⁸, дискуссии о феномене избегания и половозрастной стратификации в традиционных обществах (Табл. 4) и др.

Таблица 4. Обсуждение материалов по социальной антропологии (Раздел «Дискуссии и обсуждения» журнала *Советская этнография / Этнографическое обозрение*, 1975–2000)

Дискуссии

1978–1979

Инициаторы:

Смирнова Я.С., Перишц А.И. Избегание: формационная оценка или «этический нейтралитет»? **1978**, 6, 61.

Смирнова Я.С., Перишц А.И. Еще раз о формационном и релятивистском подходах к оценке культурных явлений (Ответ оппонентам). **1979**, 5, 90.

Участники:

Арутюнов С.А. Анализ и оценка избегания. **1979**, 1, 53.

Марков Г.Е. Обычай избегания и проблема «пережитков». **1979**, 1, 63.

Токарев С.А. «Избегание» и «этикет». **1979**, 1, 68.

1981–1982

Инициаторы:

Попов В.А. Половозрастная стратификация и возрастные классы древнеаканского общества (к постановке проблемы). **1981**, 6, 89.

Попов В.А. Половозрастная стратификация в этносоциологических реконструкциях первобытности (вместо ответа оппонентам). **1982**, 1, 68.

Участники:

Кон И.С. К проблеме возрастного символизма. **1981**, 6, 98.

Гиренко Н.М. Некоторые замечания в связи с проблемой половозрастной стратификации. **1981**, 6, 107.

Ольдерогге Д.А. Лингвистические данные в реконструкциях истории первобытного общества (обсуждение статьи В.А.Попова). **1982**, 1, 56.

Калиновская К.П. К проблеме возрастных систем (обсуждение статьи В.А.Попова). **1982**, 1, 59.

Бутинов Н.А. Половозрастная организация (обсуждение статьи В.А.Попова). **1982**, 1, 63.

От редакции (к дискуссии по статье В.А.Попова). **1982**, 1, 78.

Помимо этого, часть работ, помещенных мной в рубрику *этническая история*, вполне может относиться и к разделу *социальная антропология* ⁹. Я вынужден еще раз отметить здесь известную долю произвольности рубрикации, но все же подчеркнуть, что даже в таком виде она представляет интересный материал для заключений о тенденциях развития дисциплины. Тенденция же эта, в случае социально-антропологических сюжетов говорит о постепенном снижении интенсивности исследований этого рода в России, о чем неумолимо свидетельствует статистика журнальных публикаций (от 12-14 работ за пятилетие в 1970-х и первой половине 1980-х гг, до 4-6 работ в конце 1980-х и в 1990-х гг.).

В числе наиболее очевидных тенденций в этнографическом исследовании общества следует отметить всплеск интереса к этноисторическим сюжетам, вполне объяснимый процессами этнической мобилизации, захватившими страну в 1990-е гг., и к этнополитической тематике. Доля публикаций на эти темы (если включить в число этнополитических сюжетов и анализ этнических конфликтов) среди всех “*этносоциологических*” сюжетов составляет почти сорок процентов! Ростом привлекательности этой тематики можно, по всей видимости, объяснить и новый интерес к этнодемографическим и этногеографическим сюжетам, а также к исследованиям этнических процессов и межэтнических контактов: некоторый спад интереса к этой проблематике в начале 1980-х гг. сменился новым подъемом 1990-х гг.

Среди других важных изменений в тематике исследований в отмеченный период заслуживает упоминания возрождение основательно подзабытой в России юридической антропологии (лишь за пятилетие с 1995 по 1999 г. в журнале было опубликовано 12 статей), а также складывание близкого к ней направления по изучению положения меньшинств и коренных народов (в этой области исследований правовые сюжеты переплетаются с этнополитическими и этносоциологическими). На этом фоне отчетливее становится тенденция угасания интереса к классической проблематике этносоциологии и исследованиям семьи (всего по четыре публикации за последние одиннадцать лет).

Если рассматривать в целом соотношение исследований культуры и общества в отечественной этнографии за последние четверть века, то необходимо отметить, что культуроведческих исследований было вдвое меньше, чем обществоведческих (160 и 326 статей соответственно), что позволяет говорить о том, что *российская дисциплинарная модель была ближе к классической британской социальной антропологии, нежели к американской культурной антропологии ее позитивистского периода 1950-х – начала 1970-х гг.* Этого, впрочем, и следовало ожидать от дисциплины, находящейся под сильным влиянием марксизма. Любопытно отметить, что соотношение 2:1 между, условно говоря, этносоциологическими и этнокультурными исследованиями (точнее, публикациями их результатов) было характерно для всех пятилетий анализируемой четверти века, за исключением 1985–89 гг., когда их доли были практически равными.

Пограничные, вспомогательные и прикладные дисциплины. Известная неопределенность в вычленении предмета дисциплины в целом, с одной стороны, растущее влияние с конца 1960-х гг. идеологии системного подхода, повлекшее организацию комплексных исследований и более широкое использование количественных методов анализа – с другой, а также обычные для любой науки процессы дифференциации и интеграции знаний привели к появлению целого семейства субдисциплин, получивших в отечественной этнографии статус пограничных или вспомогательных. К числу традиционных ‘спутников’ этнографии можно отнести физическую, или био-антропологию; опирающиеся преимущественно на ее данные, а также на данные археологии и лингвистики исследования этногенеза, этноархеологию, фольклористику, ономастику с ее разделом – этнонимикой, прикладную палеографию, а также этнорелигиоведение, этнографическое музееведение, историческое источниковедение и историографию дисциплины.

Таблица 5. Распределение тематики публикаций пограничных и вспомогательных дисциплин в журнале *Советская этнография / Этнографическое обозрение* (1975-2000)

Тематика	1975-79	1980-84	1985-89	1990-94	1995-99	2000	Σ
Традиционные дисциплины	53	37	44	106	138	29	407
физическая антропология *	8	7	3	1	5	1	25
исследования этногенеза **	6	2	2	3	5	-	18
этноархеология	2	1	3	-	18	2	26
фольклористика	12	10	7	17	17	2	65
ономастика (вкл. этнонимы)	1	1	1	3	7	2	15
этнорелигиоведение	4	3	7	19	48	10	91
этнографическое музееведение	-	2	9	7	3	1	22
источниковедение (вкл. палеографию)	4	4	4	2	3	-	17
историография	16	7	8	54	32	11	128
Новые направления исследований	12	5	18	15	22	3	75
этноэкология	1	3	2	4	7	-	17
этносоциоллингвистика	8	-	7	2	2	1	20
этнопсихология	3	1	9	5	3	-	21
этногендерные исследования	-	1	-	4	10	2	17
Итого:	65	42	62	121	160	32	482

Отдельное место занимают всегда опиравшиеся на комплексные методы компаративистика и монографические описания народов, или локальных групп. Среди относительно новых направлений, сформировавшихся непосредственно накануне анализируемого периода или в его рамках следует назвать этноэкологию, этносоциоллингвистику, этнопсихологию, и, наконец, этногендерные исследования. Все эти направления нашли свое отражение на страницах журнала, что лишней раз подтверждает предположение, что журнал в целом верно отражал ситуацию в отечественной этнографии.

* Статистика публикаций в этой рубрике приведена без учета теоретических, рассмотренных в разделе *Теория и методология этнографии и физической антропологии*.

** В статистике по исследованиям этногенеза объединены физико-антропологические и этнографические работы).

Библиометрический анализ этих направлений исследования позволяет отметить следующие тенденции. Как и в случае теоретических статей, в физической антропологии намечается спад интенсивности исследований, особенно отчетливо проявивший себя в период 1990–94 гг. Резкий рост интереса к этно-археологическим исследованиям объясняется той же причиной, что и уже отмеченный выше интерес к этноисторическим сюжетам. Эта проблематика оказывается востребованной национальными элитами во многих регионах страны. Аналогичные причины, лежат, по-видимому, и в основе роста числа публикаций по этнорелигиоведению. Менее очевидны причины роста числа публикаций по фольклору. Эта область исследований всегда была тесно связана с полевой этнографической работой – за фольклорными текстами этнографы охотились с не меньшим энтузиазмом, чем за предметами традиционной культуры. Следовательно, эта проблематика является традиционной для дисциплины и составляет вместе с описаниями обрядов и ритуалов ее тематическое ядро. Таким образом, как и в первом случае, речь может идти о консервативной реакции на слишком резкие изменения периода 1985–89 гг., когда отмечался спад числа публикаций в этих областях исследований. Это могли быть и отложенные публикации, которым не нашлось места в редакционном портфеле в первой половине 1980-х гг. Впрочем, для уяснения причин довольно резкого роста числа публикаций по фольклористике требуются дополнительные разыскания, и средства библиометрического анализа здесь недостаточны.

Заслуживает внимания резкий рост числа публикаций по историографии дисциплины (с семи-восьми за пятилетие в 1980-е гг. до более 50 – в первую половину 1990-х). Он очевидно обусловлен кризисным положением в науке и обращением к ее прошлому в поисках идентичности.

Новые направления исследований приживаются в этнографии по-разному. Судя по публикациям в журнале, этносоциоллингвистика и этнопсихология становятся все более периферийными для этнографов и постепенно отторгаются. Разумеется, здесь не идет речи об угасании самих этих дисциплин, скорее можно говорить об изменении интереса к ним у этнографического сообщества и читательской аудитории журнала. Любопытная ситуация сложилась, если судить по публикациям в журнале, и в этноэкологии. Число публикаций по этой тематике невелико – 17 за 26 лет, включая статьи с этноэкологическими сюжетами из других рубрик – исследований культуры и этнической истории. Но вот что интересно. Большинство статей этой рубрики (девять), за исключением нескольких обобщающих теоретических работ, посвящены экологии пастушеских народов, практикующих различные формы скотоводства (оленоводство, овцеводство, коневодство и т.д.), и лишь в трех из них рассматривается экология земледелия. Похоже, что в этноэкологии сложилось мало обсуждаемое, но от этого еще более устойчивое представление о том, что представляет собой идеальный объект для этой области исследований. Примитивистская модель объекта (выбираются общества, хозяйство которых имеет отчетливо выраженные природные детерминанты), по всей видимости, соответствует этапу становления этой субдисциплины, но существенно сужает ее предмет, выводя из сферы ее рассмотрения индустриальные общества и население городов.

В заключение рассмотрения ситуаций, сложившихся в пограничных дисциплинах отмечу рождение и стремительный рост совершенно новой для отечественной науки области исследований – рассмотрения взаимодействия гендерных и этнических идентичностей и ролей. По числу публикаций за последние десять лет эта область опережает все другие новые направления и часть традиционных.

Итоговое распределение тематики публикаций представлено в Таблице 6. Из рассмотрения приведенных в ней данных становятся очевидными такие свойственные всему рассматриваемому периоду тенденции, как рост числа теоретических публикаций, преобладание ‘обществоведческих’ исследований над ‘культуроведческими’, значительный вклад пограничных дисциплин, практически равный совокупному продукту собственно этнографических исследований.

Таблица 6. Распределение тематики публикаций в журнале *Советская этнография / Этнографическое обозрение* (1975–2000)

Тематика	1975-79	1980-84	1985-89	1990-94	1995-99	2000	Σ
Теоретические публикации	43	19	23	37	32	12	166
Исследования культуры	30	25	24	30	44	7	160
Исследования общества	61	61	26	62	98	18	326
Пограничные субдисциплины	65	42	62	121	160	32	482
Синтетические описания народов и регионов, нетрадиционные жанры	15	-	-	14	14	2	45
Итого:	214	147	135	264	348	71	1179

Эти характеристики дают материал для некоторых предварительных заключений. Помимо уже отмеченной особенности дисциплинарной модели российской этнографии, оказавшейся более похожей на модель классической британской социальной антропологии, нежели на американскую культурную антропологию в ее позитивистский период, устойчивый рост числа теоретических публикаций со второй половины 1980-х гг. свидетельствует не только о сохраняющейся схоластичности и умозрительности российской исследовательской практики (черта, вполне понятная на фоне сокращения финансирования полевых исследований в эти годы), но и отчасти о продолжающихся поисках идентичности дисциплины и определения ее предмета. Нечеткость этого определения (проявляющаяся и в большом числе публикаций из смежных областей) свойственна, впрочем, не только российской национальной традиции. Стоит также отметить, что период 1980-х гг., судя по приведенным выше данным, был периодом застоя не только в стране, но и в дисциплине – исследования во многих направлениях оказались либо свернутыми совсем, либо их интенсивность снизилась, а нетрадиционные жанры, этот индикатор творческой потенции сообщества, вообще исчезли со страниц журнала. Точные границы этого периода

спада должны быть определены на значительно более расширенной базе данных, поскольку публикация в центральном журнале, хотя и является неплохим индикатором ее состояния, оказываются мало пригодными для точных датировок, хотя бы из-за того обстоятельства, что рукописи находились в печати подчас годами, да и издательская политика влияла на отбор публикуемых работ.

Еще раз о кризисе российской этнографии: сравнение внешних и внутренних оценок положения дисциплины. Продолжающийся процесс самоопределения российской этнологии/антропологии и поиск границ ее предмета, свидетельством которого явился поток публикаций, где в центре внимания авторов оказались именно вопросы, связанные с самоопределением дисциплины, заставляет меня в заключение обзора еще раз вернуться к теме дисциплинарного кризиса. Преодолен ли тот кризис, о котором говорили и писали многие из наших ведущих ученых¹⁰ за прошедшее десятилетие со времени первых публикаций, в которых ставился этот диагноз? Напомню, что судя по данным опроса, проведенного в 1991 г. Е.И. Филипповой и В.Р. Филипповым, многие из ученых Института этнологии и антропологии РАН и кафедры этнографии МГУ считали, что наша наука находится в состоянии глубокого кризиса, упадка, или длительной стагнации, хотя причины этих процессов назывались разные.

*«Этнология оказалась сегодня в другом обществе и должна ему соответствовать — это и есть фундаментальный фактор смены парадигмы, т. е. кризиса. Внутри науки накопилось изрядное количество профессиональных стереотипов (мышления и деятельности), которые многими уже давно осознаются как устаревшие, ошибочные или идеологически конъюнктурные (к примеру: господство естественнонаучных идеалов в гуманитарном по своей природе этнологическом познании; трактовка категории “научная актуальность” в виде синонима категории “политическая злободневность”, засилье механистического, шаблонного жанра так называемой “этнографической, монографии”».*¹¹

*«Отечественная этнология переживает достаточно глубокий кризис, который составляет часть общего кризиса советского обществознания, академической науки и общественных порядков. Он проявляется в: несоответствии статуса дисциплины, ее кадровых и материальных возможностей тем общественным потребностям, которые существуют в России; сохранении негибких, сдерживающих индивидуальную свободу ученых, организационных структур науки, отсутствии рынка интеллектуального труда и спроса на высокопрофессиональные разработки этнологов; теоретико-методологической узости исследовательских подходов, сохраняющемся засилье политизированных, схоластических концепций, интеллектуальной оторванности от мирового сообщества антропологов; низком профессиональном уровне значительной части членов профессии, отсутствии должной вузовской подготовки и притока талантливой молодежи».*¹²

*«Есть достаточно оснований для констатации кризисных явлений в отечественной этнологии. Причин несколько: а) кризис в межэтнических отношениях; б) теоретическая слабость многих этнологов; в) их методико-методологический индифферентизм и др.»*¹³.

Стоит еще раз отметить то обстоятельство, что, в российских социальных и гуманитарных науках вообще, и в этнографии/этнологии/ антропологии, в частности, за последние десять-пятнадцать лет произошла глубокая перестройка всей системы используемых понятий. Некоторая часть понятий в силу известных причин превратилась в историзмы («советский народ», «социалистическая народность», «пролетарский интернационализм», «этникос» и т.п.), другие — были переосмыслены («социальный класс», «этнос», «ассимиляция», «раса», «власть» и др.), наконец, появилось множество новых понятий («этничность», «дискурс», «габитус», «деконструкция», «конструктивизм», «интертекстуальность», «мимесис», «нарратив»)¹⁴, а частота употребления прежде известных резко изменилась — возросла (как в случае понятий «геополитика», «парадигма», «эпистема», «герменевтика», «метафизика», «постмодернизм» и др.), либо упала (как у понятий «ассимиляция», «доклассовое общество», «примитивные народы/культуры», «племя», «народность», «пережиток», «этногенез» и др.). Некоторые понятия обрели новую терминологическую оболочку, потеряв в этом процессе какие-то из своих смысловых компонентов и обретая новые, прежде им не свойственные. В ряде случаев предпринимались попытки уточнения значений известных понятий с помощью чисто терминологических средств (например, замена выражения «малые народы» на «малочисленные народы», произошедшая в конце 1980-х гг.). Ряд понятий «мигрировал» из одного профессионального сообщества в иные, попутно меняя прагматику¹⁵ и обретая новые функции (историкам, специализирующимся на истории понятий, еще предстоит описать, например, все превращения понятия «этнос», происходившие в недрах министерств национальностей, образования и культуры, в головах чиновников и политиков, приспособивших и настроивших его на решение собственных задач).

Изменились не только используемые понятия. Как уже утверждалось выше, произошли довольно существенные перемены в самом предмете, вернее, в предметах дисциплин, обычно включаемых в число этнографических. Возникли целые научные направления, которыми в предшествующий период занимались единицы, либо не занимался никто. Так, по существу заново оформились такие области научных исследований как этноконфликтология и антропология власти, политическая антропология, гендерная антропология; была возрождена юридическая антропология; возникли новые интересные направления исследований в рамках этнографии города и т.д.

Уместно еще раз подчеркнуть, что большая часть этих изменений была индуцирована «извне»: они произошли не в силу особых внутринаучных условий, а из-за резкого изменения политической и социальной ситуации в стране и необходимости занять позицию по отношению к происходящему, а также благодаря либерализации отношений между работодателем и исследователями, в результате чего появилась масса прикладных антропологических исследований по довольно широкому спектру социальных проблем. Между прочим, именно изменения ситуации в сфере планирования исследований (исследователь гораздо чаще выбирает тему и планирует работу сам) и ситуации на рынке труда (число потенциальных заказчиков исследований по сравнению с советским

временем значительно выросло) и позволили, на мой взгляд, нашему дисциплинарному сообществу пережить наиболее трудный период без значительных потерь. Однако говорить о том, что кризис преодолен, или, в более оптимистической версии – что его последствия позади, мне кажется, еще рано. Оснований для такой оценки много.

Если доверять мнениям экспертов, поставившим свои диагнозы и наметившим различные стратегии выхода из той ситуации, в которой мы находились десять лет назад, то необходимо, прежде всего, отметить, что большая часть намеченного пока не достигнута. Например, мы так и не сумели организовать стационарную долгосрочную полевую работу и обучение студентов и специалистов языкам тех народов, среди которых они проводят исследования, к чему призывал в своей программной статье В.А.Тишков. Редкие здесь исключения, бывавшие и прежде, так и остаются исключениями. В уже цитированной статье В.А.Тишков выражает надежду, что «пусть не 300 факультетов антропологии..., как в университетах США, но хотя бы с десятком самостоятельных факультетов и отделений... – и положение можно было бы несколько поправить». По прошествии десяти лет десятка отделений, тем более – факультетов, не появилось, хотя некоторые сдвиги есть. Ряд частных и государственных университетов в Москве и Петербурге не только включили в свои программы курсы по социальной и культурной антропологии, но и расширили списки специальностей за счет антропологических (этнографических) специализаций – этнополитологии, этносоциологии, социальной и культурной антропологии и т.п. Увеличили выпуск специалистов кафедры в Омске и Новосибирске. Но радикального изменения с численным составом нашего сообщества пока ожидать не приходится.

Существующие учебные пособия (включая и написанные автором этого доклада) остаются неудовлетворительными. Все учебники, включая лучшие зарубежные, содержат значительно упрощенные научные представления, к тому же всегда отражающие вчерашний день науки. На российских учебниках, однако, сказывается еще и разрыв с мировой антропологией, который был порожден несколькими поколениями изолированного развития, обусловленного в первую очередь идеологией и во вторую – географией полевых исследований. В результате даже лучшие из этих учебников представляют даже не вчерашний, а позавчерашний день мировой антропологии.

Следует признать, что не лучшие времена переживает и главный цеховой журнал нашей дисциплины – «Этнографическое обозрение»: за десятилетие с 1990 по 2000 г. его тираж сократился с 3400 до 940 экземпляров. Справедливость требует отметить, что несмотря на появление значительного числа новых периодических изданий, публикующих этнографические работы (*Сборник МАЭ «Материалы полевых этнографических исследований»*, *Курьер Петровской Кунсткамеры*; *Кунсткамера. Этнографические тетради* и *Журнал социологии и социальной антропологии* – в Санкт-Петербурге; журналы *Жизнь национальностей*; *Этнополитический вестник*; *Северные просторы*; *Личность, Культура, Общество*; *Вестник Евразии*; *Диаспоры* – в Москве; *Гуманитарные науки в Сибири*; *Археология, этнография и антропология Евразии* и *Altaiica* – в Новосибирске,

Культурологические исследования в Сибири – в Омске, *Ab Imperio* – в Казани, *Этнопанорама* – в Оренбурге и др.), журнал пока удерживает свои позиции в качестве «центрального» для сообщества российских этнографов.

Существуют, однако, многочисленные свидетельства, что советское наследие теоретического и методологического изоляционизма нашей науки от мировых тенденций развития антропологического знания, вопреки растущим международным потокам научной информации, научных обменов и т.п., остается не вполне преодоленным. Дело здесь не в низком профессионализме отечественных этнографов, в котором видел причины большинства наших бед В.А.-Тишков¹⁶. В этой связи можно упомянуть, по меньшей мере, два существенных момента, один из которых был отмечен еще в 1992 г. в одном из откликов в дискуссии на страницах *Current Anthropology*. Это замечание было сделано К.Вердери и касалось, в первую очередь, особенностей определения предмета дисциплины. В частности она, отмечая, что о кризисе обычно говорят, когда что-то желают изменить ('переопределить') и что для переопределения дисциплины наступил необычно удачный момент – смена режима в стране и смена руководства в центральном институте, с некоторым удивлением пишет:

«Ограниченность аудитории, которая возможна для советской антропологии, вытекает из ее исторической роли в изучении (и помощи в конструировании) этнических феноменов. Тишков парадоксальным образом подчеркивает эту узость, продолжая определять антропологию как исследование этничности (и отличая ее от этнологии, изучающей народы и культуры) в то же самое время, когда он призывает антропологов 'прекратить конструировать этничность'. Немногие американские антропологи, – добавляет она, – определили бы нашу цель как исследование этничности...». И в примечании к этому пассажиру она добавляет: *«В самом деле, удивительно, что при изолированном понимании Тишковым этничности как конструкта, он определяет антропологию именно подобным образом»*¹⁷. Аналогичные суждения высказывает и другой участник дискуссии Ю.Слезкин.¹⁸

Справедливость требует сказать, что уже в статье 1994 г. В.А.Тишков предложил гораздо более широкую программу для антропологических исследований и критиковал тех, кто ограничивает предмет науки «этносам, ... межэтническими отношениями и процессами»¹⁹. Проблема, однако, в том, что радикального расширения тематики не произошло, и призывам обратиться к решению новых насущных проблем последовали немногие. Вездесущий этнический аспект продолжает всячески подчеркиваться даже в тех исследованиях наших этнографов, задачи которых не предполагают его отражения. Отмеченные К.Вердери концентрированность российской этнографии на проблематике этнического, сужение и сведение ее предмета к «этносам» и их взаимодействиям продолжает негативно сказываться на развитии дисциплины, тормозя освоение иных подходов, тем, концепций и у молодежи, и у сложившихся исследователей.

Прежде чем я сделаю еще несколько замечаний относительно концентрированности нашей дисциплины на этническом, я хотел бы сказать несколько слов о второй причине самоизоляции российской этнографии и отсутствии к

ней особого интереса со стороны наших коллег за рубежом. Провинциализм российской этнографии тесно связан с ее *философским индифферентизмом*, примитивностью ее эпистемологии, философской антропологии, историософии и философской социологии. В прежние времена студент-этнограф, осваивая основы марксизма, одновременно получал и систему мировоззренческих ориентиров и сумму чисто технических приемов, позволяющих ему двигаться в море мирового философского знания. Я отнюдь не в восторге от марксистской гносеологии и исторического материализма, но новые учебники по философии для студентов-гуманитариев содержат весьма слабо упорядоченный конгломерат сведений из различных философских систем. В результате большинство студентов так и не обретают вкуса к самостоятельному решению тех философских проблем, с которыми они сталкиваются в рамках собственных исследований, и вынуждены доверяться *мнениям и авторитетам*. Это, быть может, и неплохо для *воспроизводства* знания, но категорически противопоказано научному *творчеству*. Попутно отмечу, что отечественные философы как прежде, так и теперь отнюдь не стремятся оснащать своими комментариями писания антропологов, социологов и представителей других социальных наук. Поэтому, как мне кажется, антропологи должны повернуться лицом к философской проблематике их собственной науки по советской еще традиции считающейся «не нашим делом». Прежде философская антропология находилась под сильным цензурным прессом и была отдана на откуп философам из институтов марксизма-ленинизма, а занятия ей считались делом не слишком чистым: идеологическая ангажированность специалистов по историческому материализму была очевидной и созданные ими клише по поводу «социальной формы материи» успевали набить оскомину даже студентам. Уже тогда начала складываться ситуация, при которой многие этнографы стали чурались проблем мировоззренческого характера и начинать свои исследования как бы с середины, не задаваясь вопросами философского характера, как, например, вопросом о свидетельствах объективного (и данного нам в ощущениях) существования тех же этносов. На фоне такого поколениями воспитываемого небрежения «первыми вопросами» эпистемологический кризис, охвативший большинство дисциплинарных сообществ в сфере социальных наук, не мог не приобрести оттенка скандальности. Догматический характер многих построений, лишь по традиции считавшихся научными, стал слишком очевиден, что заставило одних заняться пересмотром и оценкой собственных взглядов, а других – более привычной и партийной по своей сути борьбой, при которой важнее оказывается не эпистемологический статус теории, а социальный статус её носителей, и в которой аргументы противной стороны становятся «неслышными».

В то же самое время, например, в американской антропологии, на сегодняшний день – самом многочисленном и влиятельном антропологическом сообществе – происходило, напротив, весьма интенсивное усвоение открытий новейшей, главным образом французской постструктуралистской философии и выросших на ее основе исторических (М.Фуко) и социологических (П.Бурдьё) подходов. Дисциплинарная организация научных исследований уступала место и, наконец, практически была вытеснена кросс- и трансдисциплинарной

проблематикой, чему новая философская парадигма весьма способствовала. Все это повышало и интерес общества и профессиональных сообществ других стран к результатам исследований американских коллег. Американские антропологические конгрессы вышли по своей значимости на первое место даже по сравнению со Всемирными антропологическими конгрессами.

В российской же этнографии та открытость к находкам, методам и концепциям других дисциплин, которая была характерна, например, для 1960-х гг., в 1990-х была скорее редким исключением. Может быть этому помешали возросшая специализация и сложившееся в социальных и гуманитарных науках *разделение труда*. Это суждение основывается на *социологических и эпистемологических* особенностях производства научного знания, характерных для российской этнографии последних десятилетий. С точки зрения *социологии науки* отечественную этнографию следует отнести к зрелым и самостоятельным дисциплинам, основанием для чего является наличие многочисленных дисциплинарных институтов (профессиональных ассоциаций, музеев, журналов, кафедр, учебных курсов и учебников и т.д.). В этом (социологическом) аспекте границы дисциплины вполне определены, хотя их поддержание требует постоянных усилий со стороны сообщества исследователей, именующих себя этнографами. Являясь полноценным сообществом (со всеми присущими для большой корпоративной группы социологическими параметрами), этнографы не могут избежать ответственности как за состояние собственной дисциплины, так и за состояние методологии социальных наук в целом в той мере, в которой они пользуются этой методологией в собственной практике. В реальности, однако, постоянно проявляется стремление переложить ответственность за решение «первых вопросов» на философов, психологов, социологов и т.п. При этом игнорируется то обстоятельство, что прежнее разделение труда в науке рухнуло, и представители других научных корпораций отнюдь не стремятся решать проблемы, выраженные на чуждом для них языке и в непривычной системе понятий.

Множественно отмеченной особенностью современной *познавательной ситуации* в мире является крушение так называемых метанарративов²⁰ и связанный с этим крушением распад сложившейся в науке системы разделения труда, при которой методология и мировоззренческие основания производства дисциплинарного знания считались вотчиной профессиональных философов, социологией дисциплины должны были заниматься социологи и т.д. С распадом этой системы (или, по меньшей мере, с утратой признания естественности такого положения вещей), мировое этнографическое сообщество встало перед необходимостью *самостоятельного осмысления* мировоззренческой проблематики и, в этом смысле, перед необходимостью освоения всего корпуса знаний, традиционно относимого к философии и смежным социальным и гуманитарным дисциплинам и избавления от *дисциплинарного провинциализма*. Таким образом, попытки переложить ответственность за состояние собственной дисциплины и ее познавательного аппарата на науку в целом, или на философов, не могут считаться обоснованными. Тем более нельзя признать состоятельными аргументы типа «этот недостаток присущ всем социальным наукам».

С некоторых пор²¹ каждое дисциплинарное сообщество поставлено в условия, при которых разделенная (по дисциплинарным «отраслям знания») эпистемологическая ответственность становится невозможной. Однако существуют ли условия для принятия такой ответственности со стороны сообщества отечественных антропологов? С моей точки зрения, они пока отсутствуют, и одной из важных причин их отсутствия является все еще преобладающая закрытость этого сообщества для современной проблематики мировоззренческого уровня. Эта проблематика «обходится», или решается с помощью кустарных и негодных средств, хотя поставленные в повестку дня самими этнографами проблемы – эпистемологический статус этнографического описания и факта; соотношение статики и динамики в существовании этнических феноменов, онтологическая проблематика (модусы бытия этнических феноменов, теории реальности), выбор теории истинности – все это требует серьезных усилий, а не латания мировоззренческих прорех с помощью школьных вариаций на темы Канта, Гегеля и Маркса.

Я теперь, как обещал, вернусь к теме сосредоточенности нашей науки на этническом. В последнее десятилетие немало страниц журнала «Этнографическое обозрение» было отдано дискуссии об этносах и этничности²², изложению конструктивистской и примордиалистской трактовок. Стоит отметить, что существует ряд моментов, препятствующих продуктивному развитию дискуссии об этносах и этничности, которые очевидны для всех её участников. Сам жанр журнальной дискуссии, видимо, не способствует развернутому представлению всей совокупности имеющихся для защиты той или иной позиции аргументов. Чаще всего позиции сторон редуцируются до карикатурных утверждений типа «этносы – это умственные конструкты» (утверждение, обычно приписываемое всем конструктивистам сторонниками примордиалистского направления), или «этносы – это монолиты», которые в силу лапидарности, неизбежно истолковываются односторонне. Эта редукция и свернутость аргументации не может не порождать ошибок понимания с обеих сторон и последующих попыток их устранения – и в этом я вижу причину по крайней мере части «возвратов к пройденному».

Другой причиной является политизированный и идеологизированный характер дискуссии. Не могу судить, является ли это особенностью нашего российского способа спорить и сказывается ли здесь не выветрившийся дух «принципиально партийных» дискуссий прошлого. Однако не могу не заметить, что критика позиций оппонентов остается крайне избирательной: сильные и хорошо аргументированные «неудобные» положения обходятся и замалчиваются, а критике подвергаются нечеткости, допущенные, по преимуществу, в полемическом пылу, что выводит всю дискуссию за пределы логики. Наконец, характерной для позиций обеих сторон является использование устаревших философских представлений²³, чаще всего из усвоенного на студенческой скамье ознакомительного курса философии, что придает философским пассажирам публикаций и отзывов неповторимый привкус дидактики и дилетантизма²⁴.

В дискуссии о «природе» этнического некоторые авторы²⁵, как я полагаю теперь, несколько поспешно брались примирить противоборствующие концеп-

ции и предложить их синтез, или нечто третье. Однако рассуждения об этническом в терминах «природы», «сущности» и «субстанции» не только являются плохой метафизикой, но ещё и просто не соответствуют задаче взвешенного сравнения плюсов и минусов обоих подходов, поскольку принадлежат целиком эссенциалистской парадигме²⁶. Впрочем, эта тема заслуживает гораздо более обстоятельного разговора и уводит нас в сторону от избранных здесь сюжетов. Вернемся к оценкам состояния отечественной этнографии.

Если говорить о «внешних» оценках (т.е. оценках наших западных коллег), то их наберется не слишком много. Работы Э.Геллнера²⁷ чаще касались общей ситуации в социальных науках и характеризовали советский период. Ближе к нашему времени материалы, помещенные в специальном выпуске французского альманаха *Cahiers du Monde russe et sovietique* 1990 г., целиком посвященному характеристике различных исследований в советской этнографии периода перестройки. Однако и он устарел²⁸. В ряде статей, относящихся к периодам хронологически более близким к сегодняшнему дню, рассматриваются отдельные направления исследований или отдельные темы, но не ситуация в российской этнографии в целом²⁹. Эта ситуация подвергалась такой оценке лишь в дискуссиях по статьям В.А.Тишкова, одну из которых, помещенную на страницах *Current Anthropology* в осеннем выпуске 1992 г. я уже упоминал (помимо уже цитированного отклика К.Вердери, если называть только наших коллег из западных университетов, то в ней приняли также участие Борис Шишло, Тамара Драгадзе, Стивен Данн, Анатолий Хазанов, Петер Скальник и Юрий Слезкин). Вторая дискуссия, также инициированная статьей В.А.Тишкова на тему диалога между американской и российской дисциплинами³⁰, была опубликована на страницах этого же журнала в 1998 г., и хотя она напрямую была адресована широкому кругу американских коллег, в ней участвовал практически тот же круг людей.

Претензии, если позволительно так обозначить критику наших зарубежных коллег, в основном сводятся к уже отмеченному сужению предмета дисциплины, и отсутствию того уровня методологической и теоретической изоциренности, который характерен для наиболее читаемых работ маститых антропологов Запада. П.Скальник, например, призывает к «интеллектуальной революции», в процессе которой нам необходимо «перевести, изучить и освоить огромную мировую антропологическую литературу», что позволило бы произвести «полный и радикальный пересмотр значительной части» наших собственных трудов³¹. К.Вердери проводит аналогию между дезориентацией некоторой части наших антропологов и сложной ситуацией, в которой оказалась дисциплина в целом с ситуациями, в которых оказались британские и французские антропологи на этапе деколонизации³². Ранее А.М.Хазанов сделал подобное замечание, призывая к критическому осмыслению отношений между антропологией и колониализмом³³. Отдельным объектом для критики стала защита в суде некоторыми российскими антропологами ксенофобных публикаций (дело Безверких)³⁴. Б.Шишло в своем комментарии, датированном 1992 г., отмечает, что кризис в нашей дисциплине начался гораздо раньше 1990-х гг. – с 1960-х гг., когда дисциплинарное сообщество «не сумело воспользоваться хрущевской

оттепелью». В результате этнография оказалась ‘чрезвычайно оторванной от жизни’³⁵.

Далеко не все этнографы разделяют мнение, что российская этнография/ антропология переживает кризис сегодня. Многие из них, впрочем, были согласны с этим утверждением десять лет назад. Считают ли они, что кризис успешно преодолен? Такого рода публикации, если они и есть, мне неизвестны. Десятилетие – не слишком большой срок для науки, но для периодов реформ – он все же не мал. Мне представляется, что наше сообщество продолжает в определенном смысле медлить с самоопределением и выбором пути развития. Может быть тому есть особые причины? Буду признателен, если коллеги поделятся своими соображениями на этот счет.

Примечания

¹ Рассмотрение эволюции тематики и жанров российской этнологии / антропологии осуществляется на основе специально созданной библиографической базы данных, в которую вошли перечни содержаний журнала Советская этнография / Этнографическое обозрение за период 1975-2000 гг., что составляет 156 выпусков журнала и около четырех тысяч статей и материалов и может рассматриваться как репрезентативная выборка публикаций в рамках данной дисциплины в исследуемый период. В данный обзор не были включены публикации в жанре «краткие сообщения».

² Boas F. The History of Anthropology. In: Stocking G.W., Jr. (ed.) The Shaping of American Anthropology, 1883-1911: A Franz Boas Reader. – N.Y., 1974. – p.35

³ Бромлей Ю.В. О соотношении этнографии с историей и социологией. В кн.: Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. М.: Наука, 1981, стр.81. См. также: Бромлей Ю.В., Шкаратан О.И. О соотношении предметных областей этнографии, истории и социологии // Советская этнография, 1978, №4; Бромлей Ю.В., Шкаратан О.И. О соотношении истории, этнографии и социологии // Советская этнография, 1969, №3.

⁴ “Касаясь вопроса об определении профиля этнографии (этнологии), следует еще раз напомнить, что в данном случае мы в наименовании самой дисциплины имеем прямое указание на ее исследовательский объект – этнос.” (Бромлей Ю.В. Этнография и культурно-социальная антропология. В кн.: Бромлей Ю.В. Современные проблемы этнографии. М.: Наука, 1981, стр.107). “... основным критерием для выделения предметной области этнографии является рассмотрение компонентов этноса сквозь призму выполнения ими этнических функций.” (Там же, стр. 108-109).

⁵ Теория первобытности, столь важная в рамках ‘марксистской этнографии’ в связи с проблемой ‘отсталых народов’ и концепцией ‘скачка’ – перехода их обществ от первобытности к социализму, минуя стадии феодализма и капитализма.

⁶ М.В.Тендрякова в статье «Первобытные инициации и современная культура» (ЭО, 1991, №6) использовала знания о инициациях, полученные на основе изучения ‘примитивных народов’ для анализа современности, а Вл.Г.Власов в статье «Становление раннеземледельческой культуры. Механизм перехода к «производящему хозяйству» (ЭО, 1999, №1) сосредоточился на решении специфической проблемы происхождения производящего хозяйства, используя преимущественно археологические материалы.

⁷ См., например, работы В.А.Попова (1977), А.Б.Спеваковского (1986), Н.А.Бутинова (1990), С.Шинкевича (1994).

⁸ Статьи З.П.Соколовой (1976), А.И.Карагодина (1984), А.В.Коротаяева, А.А.Оболонкова (1989) и др.

⁹ К таким работам безусловно относятся статьи Э. Г.Александренкова (1976), К.Л.Татариновой (1978), В.Г.Бабакова (1988) и А.В.Коротаяева (1996).

¹⁰ Тишков В.А. Советская этнография: преодоление кризиса // ЭО. 1992, № 1; Козлов В.И. Между этнографией, этнологией и жизнью // ЭО. 1992, № 3. – С.3-14; Басилов В.Н. Этнография: есть ли у неё будущее // ЭО. 1992, № 4. – С.3-17; Марков Г.Е. О бедной науке замолвим слово // ЭО. 1992, № 5; Шнирельман В.А. Наука в условиях тоталитаризма // ЭО. 1992, № 5; Филиппова Е.И., Филиппов В.Р. Камо грядеши? // ЭО. 1992, № 6.

¹¹ Мнение А.А.Никишенкова (Е. И.Филиппова, В. Р.Филиппов. Цит.соч., стр.4).

¹² Мнение В.А.Тишкова (Там же).

¹³ Мнение В.В.Пименова (Там же).

¹⁴ Прошу читателя помнить, что речь здесь идет только о российских науках, и, по преимуществу, – о науках социальных и гуманитарных. Изменения понятийного аппарата и терминов, происходившие в этот период в других государствах и научных дисциплинах остаются за рамками нашего рассмотрения. Помимо этого, сами оценки понятий как ставших «историческими», «изменившимися», или «новыми» весьма относительны, поскольку, с одной стороны, всегда существовали и существуют круги людей, для которых все перечисленные понятия либо не являются новыми, либо не стали историзмами, либо, наконец, не воспринимаются как изменившиеся. Речь, стало быть, идет о тенденциях и впечатлениях, которые могут быть оспорены. При этом фокусом рассмотрения остается наиболее знакомая автору совокупность дискурсов, обслуживающих потребности отечественной этнографии/этнологии и социокультурной антропологии.

¹⁵ Компоненты значения, связанные с политическим, социальным и культурным контекстами употребления терминов, целями говорящих и т.п.

¹⁶ Ср. его статьи: The Crisis in Soviet Ethnography // Current Anthropology. – 1992. – Vol.33, #4. – P.371-382;

Ibid. On the Crisis in Soviet Ethnography: Reply to Comments // Current Anthropology. – 1993. – Vol.34, # 3. – P.275-279; *Ibid.* Post-Soviet Ethnography: Not a Crisis but Something More Serious // Anthropology & Archeology of Eurasia. – Winter 1994-95. – pp.87-92.

¹⁷ Verdery K. Comments to V.A. Tishkov's article “The Crisis in Soviet Ethnography” // Current anthropology. – 1992. – Vol.33, #4. – p. 393.

¹⁸ Slezkine Yu. Comments to V.A. Tishkov's article “The Crisis in Soviet Ethnography” // Current anthropology. – 1992. – Vol.33, #4. – p. 392.

¹⁹ V.A. Tishkov. Post-Soviet Ethnography: Not a Crisis but Something More Serious // Anthropology & Archeology of Eurasia. – Winter 1994-95. – p.90.

²⁰ Термин «метанарратив» («метаповествование», или так называемые «великие истории») появился как калька с французского “grandes histoires” при переводе на английский язык Б.Массуми работы Ж.-Ф.Лиотара *La Condition postmoderne: Rapport sur le savoir* (The Postmodern Condition: A Report on Knowledge. – Minneapolis, 1984). Лиотар использовал это понятие для обозначения интеллектуальных построений Канта, Гегеля и Маркса. Впоследствии им стали обозначаться все «объемлющие» концепции эпохи Просвещения и глобальные объяснительные схемы – прогресса, эволюции и т.п. Под крушением метанарративов обычно понимают утрату внутренней связности и непротиворечивости этих построений, а также утрату общепризнанности и законности претензий сторонников этих теорий на монополизацию истины и сращенность этих объяснительных схем с властью (ср. критику гегемонии у Грамши и власти интерпретации у многих постструктуралистов).

²¹ Для философов этот период начался с критики Ницше претензий философии на обоснование научного познания и выработку его принципов, углубленной впоследствии Хайдеггером, Витгенштейном, Рорти и др., что привело к их отказу от «эпистемологического фундаментализма» и сведение роли профессиональных философов к «установлению диалога» с учеными различных специальностей. Из-за уже отмеченных особенностей отечественной этнографии (закрытость для новых философских идей и традиционная ориентация на дисциплинарное устройство знания) эта вещь в определенном смысле «не дошла» и мировоззренческие аспекты нашей собственной деятельности обычно не включаются в сферу нашего анализа.

²² В хронологическом порядке: Семенов Ю.И. Этнология и гносеология // ЭО. – 1993, №6; Соколовский С.В. Парадигмы этнологического знания // ЭО. – 1994, № 2; Чешко С.В. Человек и этничность // ЭО. – 1994, №6; Козлов В.И. Проблематика «Этничности» // ЭО. – 1995, №4; Арутюнов С.А. Этничность – объективная реальность (отклик на статью С.В.Чешко) // ЭО. – 1995, №5; Колпаков Е.М. Этнос и этничность // ЭО. – 1995, №5; Чешко С.В. Ответ оппонентам // ЭО. – 1995, №5; Семенов Ю.И. Общество, страны, народы // ЭО. – 1996, №2; Он же. Социально-исторические организмы, этносы, нации // ЭО. – 1996, №3; Заринов И.Ю. Исторические рамки феномена этничности (по поводу статьи С.В.Чешко «Человек и этничность» // ЭО. – 1997, №; Тишков В.А. О феномене этничности // ЭО. – 1997, №3; Винер Б.Е. Этничность: в поисках парадигмы изучения // ЭО. – 1998, №4; Обсуждение доклада В.А.Тишкова «О феномене этничности» // ЭО. – 1998, №1; Рыбаков С.Е. К вопросу о понятии «этнос»: философско-антропологический аспект // ЭО. – 1998, №6; Заринов И.Ю. Время искать общий язык (проблема интеграции различных этнических теорий и концепций) // ЭО. – 2000, №2; Рыбаков С.Е. О методологии исследования этнических феноменов // ЭО. – 2000, №5; Семенов Ю.И. Этнос, нация, диаспора // ЭО. – 2000, №2 и др.

²³ Большинство из них можно определенно датировать прошлым веком, хотя дело, конечно, не в возрасте идеи, а в игнорировании её последующего развития и критики.

²⁴ Приведу пару анекдотических примеров, которые возникли в ходе обсуждения эпистемологических сюжетов в этнографических исследованиях в одной из моих публикаций. Один из рецензентов всерьез утверждал, что понятие «парадигма» стало употребляться у нас благодаря Горбачеву и должно быть изгнано из текста как неуместный модный англицизм (!). Очевидно, ему не довелось прочитать работу Т.Куна «Структура научных революций», русский перевод которой появился существенно раньше речей автора перестройки, и который действительно «сделал модным» это понятие среди отечественных науковедов. Мне приходилось спорить с анонимным рецензентом, пытавшимся убрать из моей статьи якобы «чисто математический» термин *топология*. Даже понятие *дискурс*, несмотря на его широкое хождение у западных антропологов (не говоря уже о безынтересной для историков и этнографов книге М.Фуко «Археология знания»), где оно является базовым) продолжает оставаться неосвоенным. И дело здесь не в том, что проблематика исследований наших американских коллег «потребовала» профессионального знания постструктуралистской философии (кстати, по большей части, европейской), а проблемы, стоящие перед нашим сообществом – иные (подразумевается, не требующие философски изощренных подходов), а в том, что преобладавшая в 1960-е гг. (и короткий период в конце 1980-х) открытость миру и любознательность сменилась во многих дисциплинарных сообществах в России на консервативно-охранительные установки.

²⁵ Винер Б.Е. Цит.соч. (ЭО. – 1998, №4); Заринов И.Ю. Цит.соч. (ЭО. – 2000, №2); Соколовский С.В. Третий путь, или попытка объяснения в разделенном сообществе // Мир России. – 1994, №2

²⁶ Вполне отдавая отчет, что комментарии по поводу эссенциализма уведут нас в сторону от первоначально избранной темы, я все-таки отваживаюсь свернуть в этот малопосещаемый закоулочек отечественной обществоведческой мысли. Интерпретации позиций «сущностного» подхода, диагностика наличия его элементов, как и трактовка самого понятия «эссенциалистский» различаются от дисциплины к дисциплине. Тем не менее, если попытаться определить то общее, что содержится в разнообразных употреблениях этого понятия, то можно утверждать, что эссенциалистская позиция в социальных науках заключается в таком понимании форм разнообразия человечества (и, как частный случай, этнического разнообразия), при котором социальным категориям приписывается характер природных сущностей. Согласно этому подходу некоторые человеческие совокупности обладают «сущностями», которые определяют идентичность их членов, являются фиксированными (устойчивыми), а иногда и наследуемыми, неотъемлемыми (изначально присущими) и часто детерминируемыми биологическими / генетическими факторами.

²⁷ Gellner E. State and Society in Soviet Thought. – Oxford, 1988; Gellner E.(ed). Soviet and Western Anthropology. – L., 1980; *Ibid.*. The Soviet and the Savage // Current Anthropology, vol.10, #4, 1975, pp.595-617.

²⁸ Историографический интерес представляют также следующие работы: Plotkin V., Howe J.E. The Unknown Tradition: Continuity and Innovation in the Soviet Ethnography // Dialectical Anthropology. – 1985, #2; Chichlo B. L'ethnographie sovietique est-elle une anthropologie? // B.Rupp-Eisenreich (ed.) Histoire de l'anthropologie, XVIe – XIXe siecles. – Paris: Klincksiek, 1984; *Ibid.* Trente annees d'anthropologie (etnografia) sovietique // Revue des Etudes slaves. – 1985. – Vol.57, # 2; Slezkin, Yu. The Fall of Soviet Ethnography, 1928-38 // Current Anthropology. – 1991. –Vol. 32. – P. 476-84; *Ibid.* 'The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // Slavic Review. – 1994. – Vol. 53, no. 2, Summer. – P. 414–452; Skalnik P. Community: struggle for a key concept in Soviet ethnography // Dialectical anthropology. 1981. – Vol.6, #2. -P.183-191; *Ibid.* Towards an understanding of Soviet ethnos theory // South African Journal of Ethnology. 1986. – #9. -P.157-166; *Ibid.* Union Sovietique – Afrique du Sud: les "Theories" de l'ethnos // Cahiers d'Etude africaines. 1988. – Vol.28, #2. – P.157-176.

²⁹ Dragadze, T. Politics and Anthropology in Russia // Anthropology Today, vol. 11, no. 4, August, 1995; Olcott M.B. Soviet Nationality Studies between Past and Future // D.Orlovsky (ed.) Beyond Soviet Studies. – Washington, D.C., 1995. – P.135-148; Banks M. Ethnicity: Anthropological Constructions. – L.; N.Y.: Routledge, 1996 (глава: Soviet ethnos theory, pp.17-23). В числе новых публикаций особого внимания заслуживает работа Вима ван Мейрса (W. van Meurs. Ethnographie in der UdSSR: Jäger oder Sammler?) in: *Inszenierung des Nationalen*. B.Binder, P.Niedermüller eds. Berlin 2000), перевод которой на русский язык появился в журнале *Ab Imperio* и недавно опубликованная монография по историографии советской этнографической науки Фредерика Бертрана (Frederic Bertrand: L'anthropologie sovietique des annees 20-30. Configuration d'un rupture. – Bordeaux, 2001).

³⁰ Tishkov V.A. U.S. and Russian Anthropology: Unequal Dialogue in a Time of Transition // Current Anthropology. – 1998. – Vol.39, # 1. – P.1-7; *Ibid.* U.S. and Russian Anthropology: Unequal Dialogue in a Time of Transition (Reply to Comments) // Current Anthropology. – 1998. – Vol.39, # 1. – P.14-16. См., также, интервью с В.А. Тишковым, опубликованное в *Журнале социологии и социальной антропологии* (№4, 2001. – стр.5-36).

³¹ Skalnik P. Commentary to Tishkov's article 'U.S. and Russian Anthropology' // Current Anthropology. – 1998. – Vol.39, # 1. – P.10. В настоящее время П. Скальник подготовил к печати сборник статей «A Post-Communist Millenium: The Struggle for Sociocultural Anthropology in Central and Eastern Europe», который вскоре должен выйти из печати.

³² Там же, стр.13.

³³ Khazanov A.M. Commentary to V.A. Tishkov's article 'The Crisis in Soviet Ethnography' // Current Anthropology. – 1992. – Vol33, #4. – P.386.

³⁴ Kan S., Khazanov A., Krupnik I., Plotnicov L. (там же, стр.9-10).

³⁵ Chichlo B. Commentary to Tishkov's article 'The Crisis in Soviet Ethnography' // Current Anthropology. – 1992. – Vol33, #4. – P.383.

Научное издание

Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Вып. 9
М., 2003

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия
129366, Москва, ул. Космонавтов, 2

Лицензия ЛР № 020730 от 03.03.1998.

Оригинал-макет: ГЛАВ'артель

Гарнитура Times New Roman
Тираж 100 экз.

Отпечатано в типографии
РОССЕЛЬХОЗАКАДЕМИИ
115598, Москва, ул. Ягодная 12

Заказ №